

Н. АБРАМОВИЧ

Стихийность в молодой поэзии

Среди разнообразных течений современного модернизма в последнее время настойчиво, упорно пробивается одно очень характерное, сказавшееся целым рядом лирических сборников. Основная идея этого литературного течения — стихийность мотивов творчества, поэзия — как голос живой природы, поэт — как произвольное эхо не узкочеловеческой, но общей, беспредельно-космической жизни. В основе своей это течение ставит любому автору общепоэтическое требование: дать непосредственно, стихийно бьющий родник творческой впечатлительности, являющейся столь же многоцветным, свежим и ярким, как мир. Но любопытна уже определившаяся у нас судьба этого течения, приведшая к тому, что непримиримо враждебно самому понятию стихийности, — к тенденциозности. «Тенденциозная стихийность» — что может быть дисгармоничнее этого?..

Задача этих строк — показать, как отразилась идея стихийности в лирике наших поэтов. <...>

Быть Колумбом стихийного элемента в поэзии в наши дни немислимо уже по одному тому, что от Анакреона и Гафиза — и до них — жизненным началом лирической, как и всякой другой, поэзии являлась именно стихийная произвольность, безыскусственность творчества, которое жизненно в меру того, насколько оно продукт не одного сухого труда, но соединенного с ним вдохновения.

Творческая поэзия есть стихийность сама по себе, потому что ведь не сноровка же, не умение, не простая сознательность обусловили ту мощь звуков и красок, в которых вылилась яркая и нежная обнаженность чувства поэта. Не предполагает ли само понятие — талант — произвольность, стихийность его существования и проявления? Отсюда само собой вытекает, что истинная поэзия, раз она не «делана», а безыскусственна, —

всегда стихийна, отражает ли она жизнь океана и водных чудовищ Бёклина¹ или же является подобной звуку тревожных труб, зовущих массы к восстанию. Не только для пантеистических гимнов Шелли, но и для строф Барбье и Некрасова нужна та же беспредельная искренность передаваемых чувств, та же абсолютная сила захвата ими, та же мощная стихийность гражданского вдохновения, зажигающая сердца и безумно заражающая своей силой.

Но у нас точное понятие, обнимаемое словом стихийность, заменено другим. Стихийной поэзией называют не ту, в которой творческая выразительность достигла высшей степени, приближая мир души человеческой к самым границам всеобщности, как видим в созданиях колоссов искусства — Гёте, Шелли, Пушкина, Байрона, Лермонтова... В отличие от произведений, отражающих в узком смысле то, что Ницше называет «человеческим, слишком человеческим»², условились стихийным называть творчество, чуждое общности, замыкающееся в отражениях растительной, девственной жизни свободной природы, творчество, как бы выходящее за черту «человеческого», проникающее в цельность и ясность мира природы, чутко прислушивающееся к ее тайне и гармонии. <...>

Физиономия поэзии Блока яснее определяется его первой книгой «Стихи о Прекрасной Даме». Мистический эротизм Вл. Соловьева и религиозный пантеизм картин художника Нестерова сливает Ал. Блок. Бескровная, бледная лирика умиленного аскета, сгорающего небесной страстью к Прекрасной Даме, чувствующего отблеск ее сияния в тихой красоте вод, и полей, и неба. Ал. Блок, взяв замысел средневековья, совершенно отошел от его психологических черт, стремясь уловить облик не средневековой западной Мадонны, а русской, созданной тихой народной религиозностью, Девы Марии, какой она схвачена на полотне у Нестерова. Как и последний, Ал. Блок сливает мистическое чувство народной Богоматери с живым ощущением северной природы, на фоне которой, среди узорчатых зеленых елок и полей клевера, жужжащего пчелами, только и может явиться взору нежный облик Девы Марии. Мистическая влюбленность, которой дышат строки Блока, проникнута этим веянием неземного, близкого, близкого к земле. Вся жизнь проходит ввиду открытой вечности неба, и нежное сияние мистицизма проникло все земное: и сказки пчел, и шепот клевера; земля и небо соединяются воротами смерти, сквозь которые проходишь, руководимый яркой страстью и томлением по Прекрасной Даме:

Только здесь и дышать у подножья могил,
 Где когда-то я нежные песни сложил
 О свиданьи, быть может, с тобой...
 Где впервые в мои восковые черты
 Отдаленною жизнью повеяла Ты,
 Пробиваясь могильной травой³.

Мотивы любви, смерти и чувства таинства жизни в природе сливаются, обнаруживая одну доминирующую ноту: горячего томленья, неукротимой жажды по жизни, воплощающей светлую грезу «Великой Жены». И чем острее чувство природы, поэтическая влюбленность в ее жизнь, в ее зеленые покровы, тем болезненней и страстнее эти мистические грезы о слиянии земного с той гармонией небесного, которая воплотит смутные ожидания, рожденные красотой земли. Создается пантеистическая религия, где Богоматерь неотделима от трав, лучей солнца и лилий. И песнь мистической любви становится песней мистического чувства природы:

...Робко пламя церковной свечи
 У заутрени бледной зажгу.
 ...Колыхнусь восковым огоньком,
 Дам почуять знакомую дрожь.
 Над тобою — как свеча — я тиха,
 Пред тобою — как цветок — я нежна.
 Жду тебя, моего жениха,
 Все невеста — и вечно жена⁴.

Осененная религиозной поэзией смерть, — так же ярко, как и жизнь, — говорит о той же действительности мистических грез:

...Ты покоишься в белом гробу.
 Ты с улыбкой зовешь: не буди.
 Золотистые пряди на лбу,
 Золотой образок на груди.
 Я отпраздновал светлую смерть,
 Прикоснувшись к руке восковой⁵.

Не что другое, как именно поэзия религиозности, интимной, внутренней и свежей, *вышедшей из недр народной души*, слитой с родной природой и с укладом народной психики и отраженной во всех этих живых чертах красивым дарованием Нестерова, чувствуется в стихах Блока. Мотив им заимствован, и у Блока — гораздо больше от Нестерова, чем от Вл. Соловьева. Все приведенные отрывки веют настроением полотен художника, точно так же, как и «Подражание» («...Мой саван плотен.

Смертный венчик вокруг чела. — На снегу моих полотен — Ты лампадный свет зажгла. — Опустит прозрачный полог — Отходящего царя. На вершинах колких елок — Занимается заря»), «Брожу в стенах монастыря», «У берега зеленого на малой могиле»... И из «Нечаянной Радости» — «Белый конь чуть ступает усталой ногой», «Я живу в отдаленном скиту», «Евгению Иванову»... В последнем — икона по Нестерову.

Вот он Христос — в цепях и розах...
 ...В простом окладе синего неба
 Его икона смотрит в окно.
 Убогий художник создал небо,
 Но лик и синее небо — одно.
 Единый Светлый — немного грустный —
 За ним восходит хлебный злак,
 На пригорке лежит огород капустный,
 И березки, и елки бегут в овраг⁶.

Но в отделах «Магическое», «Перстень-Страданье» и «Детское» книги «Нечаянная Радость» находим у Блока десятки стихотворений иного рода. Определить их творческий лейтмотив — задача невозможная, тем более невозможная, что большинство из них написаны слишком туманно.

Это действительно нечто «магическое», но поэзия и искренность здесь скрыты туманной и порой чисто внешней символистикой. Избегая скучных выписок, укажем на пример подобных произведений: «А l'ombre», «Фиолетовый запад гнетет», «Я живу в глубоком покое» (где поэт называет себя «последним мускулом земли»⁷), «Ты оденешь меня в серебро», «Потеха. Рокочет труба»... и пр. и пр.

Но если не стихийность в полном смысле слова, то, во всяком случае, свежее веянье природы, оригинально воспринятое, чувствуется в стихотворениях отдела «Весеннее». Перелетный ветерок долетел в терем, пробудил жажду весны в юной душе, вызвал на крыльцо красавицу и увел

...В синеватую даль,
 Где дымилась весенняя таль,
 Где кружилась над лесом печаль⁸,

где, как живой дух леса, «в березовом дальнем кругу» встретил ее лесной старикашка, сгибавший дуги. Или же он рисует болотное царство весной, «весеннюю проталинку», где над кочкою виднеется «болотный попик», молящийся в очарованьи «вечерней прелести, увившей вокруг него свои тонкие руки», предзакатных звуков и легких шелестов⁹. На протали-

ны важной поступью выходят «купальницы» с «золотистыми лицами»

В лесные душистые скважины¹⁰.

Все эти рисунки напоминают вещицы Клингера¹¹, его наброски пером. В этих вещах некоторое право Блока на громкое слово — стихийность поэзии.

